

Глава 11. Как он посмел строить прижизненный храм в мою честь?

Младший из клана Го избил старшего из клана Хань. По семейным правилам его следовало бы сурово наказать, но поскольку старший был неправ, да ещё и дело касалось чести господина Еяна, главы двух кланов, посовещавшись, решили замять инцидент. Го Сысяна оштрафовали на двадцать лянов серебра на лечение и заставили десять раз переписать семейные правила.

Хань Хань и без того был недоволен тем, что глава клана благоволил другой ветви семьи, а теперь и вовсе кипел от ярости. Он взял отпуск по болезни и заперся дома. Сяньчэн Го Саньцай тоже был раздосадован, но вид двадцати тысяч лянов чистого серебра в казне не давал ему покоя. Он как ни в чём не бывало ходил на службу и думал, как бы прикарманить эти деньги.

Однако Еян Цы держал казну под строгим контролем. Он не только приставил к ней круглосуточную охрану из стражников, издав указ, что за кражу или растрату казённых денег — казнь, но и поручил Сюньцзяню Тан Шицзину время от времени проводить проверки. Каждая трата проходила через его личное утверждение, а все приходно-расходные книги велись в идеальном порядке, так что даже старый и опытный чиновник Го Саньцай, знавший все лазейки, ничего не мог поделаться.

На плечи Тан Шицзина легла двойная нагрузка — патрулировать и внутри, и снаружи, но он не жаловался. В свободное время он принёс Еян Цы ажурный металлический шарик с красным шнурком и кисточкой.

— Что это?

— Извинение.

Еян Цы отказался:

— Я же сказал, что прощаю вас и не держу зла. Вы не верите?

Тан Шицзин поправился:

— Это исполнение обещания. Я обещал придумать способ, чтобы кошки в ямэне не подходили к вам ближе чем на три чжана. Вот, ароматический шарик для отпугивания кошек. Внутри — горизонтальный механизм, как бы вы его ни вертели, мазь не прольётся, можете носить спокойно. Когда мазь испарится, можно будет добавить ещё.

Он бросил серебряный шарик и коробочку с мазью Еян Цы и, развернувшись, ушёл.

Господину Еяну ничего не оставалось, как поймать их. Он понюхал шарик — приятный цитрусовый аромат.

По сравнению с неоднозначным Тан Шицзином, вездесущие кошки были для Еян Цы куда большей проблемой, поэтому он прицепил ароматический шарик к поясу.

И действительно, с тех пор кошки в ямэне, едва завидев его, морщили носы и убегали. Собаки, впрочем, тоже. Господин Еян стал живым воплощением поговорки «кошки ненавидят, собаки презирают», и был этим вполне доволен.

Поскольку знать под давлением уездного судьи пошла на уступки, арендаторы смогли вернуться на свои земли. Частные земли каждая семья обрабатывала самостоятельно, а казённые земли правительство сдавало в аренду крестьянам. Еян Цы, понимая, что большинство жителей Сяцзиня сейчас очень бедны, приказал отсрочить уплату аренды до летнего или даже осеннего урожая.

По сравнению с частными землями, где все риски лежали на крестьянах, казённые земли с такой отсрочкой стали гораздо привлекательнее и были быстро разобраны.

В этом году ямэнь также бесплатно раздавал семена пшеницы. Многие заброшенные частные земли были снова распаханы, а волов и орудия труда можно было арендовать у ямэня через старост. Энтузиазм жителей Сяцзиня к весеннему севу был небывалым.

Яровую пшеницу обычно сеют в феврале-марте, а собирают в мае-июне. В августе правительство начинает сбор летнего налога.

— Новый уездный судья любит народ, как собственных детей. Будем хорошо работать, в этом году точно наедемся досыта, — передавали из уст в уста крестьяне под крики кукушки.

Господин Еян тоже не сидел без дела. Во дворе он соорудил большой песчаный макет и, сверяясь с картами рыбьей чешуи, планировал землеустройство всего уезда:

— Казённые земли полностью засеём пшеницей. На частных землях шесть десятых — под пшеницу, три десятых — под хлопок, и одну десятую — под рапс.

— Осваивать террасы на склонах гор слишком долго и трудоёмко, лучше посадить фруктовые деревья. Абрикосы — хороший выбор: и вкусные, и на курагу идут, и косточки в медицине используются. А главное, абрикосовые деревья быстро плодоносят. Посадишь трёхлетний саженец, он ещё ростом с человека не будет, а уже в тот же год даст плоды.

— Вдоль реки посадим тутовые деревья. Во-первых, это поможет от эрозии почвы, во-вторых, листья шелковицы можно будет по реке отправлять на юг, где их купят шелководы. Тутовые деревья быстро растут, в начале лета уже дают ягоды, а молодые листья можно есть, что поможет крестьянам пережить голодные апрель и май. К тому же, листья, плоды и молодые ветви тутовника используются в медицине — сплошная польза.

Го Саньцай был отправлен инспектировать весенний сев и разрешать споры на полях, ему помогали все писари. Дяньши Цзян Оу остался в ямэне, где с отрядом стражников разбирает кучу мелких судебных дел.

С мелкими делами он справлялся, но когда стороны упорно стояли на своём или случалось убийство, приходилось звать уездного судью.

Еян Цы и в судействе был мастером, славился своей эффективностью.

Два брата делили наследство, каждый считал, что другой получил больше, и не уступали друг другу. Он приказал им обменяться имуществом — и дело с концом.

Вор-карманник, ограбивший торговца, был пойман прохожим. В завязавшейся драке оба утверждали, что один — вор, а другой — герой. Торговец страдал куриной слепотой и не мог никого опознать, свидетелей не было. Пришли в ямэнь за решением. Судья приказал им ночью бежать наперегонки по дороге у ямэня — кто проиграет, тот и вор.

Обвиняли сноху в измене мужу с его младшим братом. Еян Цы постановил, чтобы муж развёлся с женой, младший брат выплатил старшему компенсацию на новую женитьбу, а разведённая женщина вышла замуж за младшего брата. Семьи разделили. Главное — не топить её в реке по старому обычаю. Женщины — это сокровище, на них держится прирост населения в Сяцзине. Уездный судья, озабоченный демографией, жалел лишь о том, что мужчины не могут рожать. Он даже издал указ: каждая беременная женщина в уезде получает один ши пшеницы в качестве пособия по рождению ребёнка.

К счастью, кроме случайных убийств в драках, настоящих тяжких преступлений было мало — в уезде все друг друга знали. К тому же, приближался весенний сев, драгоценный, как масло, весенний дождь шёл почти каждый день, и поля Сяцзиня наполнялись давно забытой надеждой, как и сердца людей, вдохновлённых новым уездным судьёй.

Каналы прочищались, водяные колёса строились, саженцы сажались. Если повезёт, крестьяне могли увидеть на полях самого уездного судью в соломенной накидке и бамбуковой шляпе, который вместе с подчинёнными указывал, какие дороги нужно отремонтировать.

— ...Вот тебе цветочек, Нуну сорвала, — пяти- или шестилетняя девочка, выскочив из-за кустов, потянула уездного судью за рукав и, подняв голову, протянула ему несколько веточек с мелкими фиолетовыми цветами.

Бежавшая за ней женщина средних лет побледнела от страха и сбивчиво закричала:

— Няньнянь, вернись!.. Господин, простите... Няньнянь, не трогай, руки грязные! Ах ты, ещё и обнимаешься, не вернёшься — выпорю... Господин, пощадите!

Еян Цы с улыбкой сказал женщине: «Ничего страшного», — и, наклонившись, одной рукой поднял девочку. Он взял цветы, воткнул их в свою соломенную накидку, а затем достал из-за пазухи мешочек с леденцами и вложил ей в руку.

— Это тебе, в ответ на цветы, — судья взвесил её на руке. — Лёгкая ты, девочка, хорошо ли тебя кормят?

Девочка, качая головой, засунула в рот леденец и неразборчиво пробормотала:

— Вкусно.

Еян Цы приказал стоявшему рядом писарю:

— Дайте им один ху пшеницы. Сейчас я могу помочь только этим.

Даже когда девочку вернули ей на руки, женщина всё ещё сидела на земле в оцепенении. Лишь когда писарь дважды повторил: «Назовите свой район и двор, я запишу, и вам домой принесут пшеницу», — она, словно очнувшись ото сна, повернулась к удаляющейся фигуре Еян Цы и громко зарыдала:

— О, господин наш, вы — само чистое небо!..

— Жители Сяцзиня называют нового уездного судью своим спасителем, говорят, он любит народ, как собственных детей, и очень деятелен, — докладывал по возвращении в резиденцию князя Гаотана командир стражи Цзян Ко.

Цинь Шэнь просматривал несколько страниц с донесениями.

— Он не только занял у меня деньги, но и воспользовался моим влиянием, чтобы прижать местную знать. Если бы он не был деятельным, мои вложения пошли бы прахом?

Командир Цзян видел, что князь хоть и говорил с пренебрежением, но не отрывал взгляда от бумаг, перечитывая их снова и снова. Он хотел было улыбнуться, но не посмел.

— Господин Еян также сказал, что если Сяцзинь сможет выбраться из беды, то он непременно построит в честь Вашего Высочества прижизненный храм и будет возжигать благовония.

— Он считает это добрым знаком? — Цинь Шэнь хлопнул бумагами по столу, и костяное кольцо лучника на его большом пальце глухо стукнуло. — Как он посмел строить прижизненный храм

в мою честь? Я построю ему гробницу при жизни, со всеми каменными зверями, колоннами-хуабяо, стелами и саркофагом!

Цзян Ко фыркнул. Цинь Шэнь посмотрел на него, и его взгляд был полон безмолвной угрозы.

Командир тут же посерьёзней, кашлянул и сказал:

— Думаю, господин Еян хотел как лучше, а не накликал на вас беду. В следующий раз, когда я его увижу, скажу, чтобы не строил, а лучше на эти деньги отремонтировал ямэнь, у него там даже вывеска облупилась.

Правая рука Цинь Шэня всё ещё лежала на бумагах. Костяное кольцо лучника на его большом пальце было скошенной формы, а через два отверстия в нём был продет коричневый кожаный шнурок, который тянулся до браслета из семян бодхи на его запястье.

Поверхность семян была неровной. Князь провёл по ним подушечками пальцев левой руки и сменил тему:

— Ты говорил, что когда сопровождал серебро в Сяцзинь, то заметил на почтовом тракте следы недавнего боя?

— Да. Я обнаружил следы от колёс, множество отпечатков конских копыт и кровь. Нашёл стрелы и сломанные колокольчики. В овраге неподалёку были свежие человеческие останки, обглоданные дикими зверями. Думаю, тела сбросили недавно.

По знаку Цинь Шэня Цзян Ко достал завернутые в промасленную бумагу обломок стрелы и колокольчик и положил их на стол.

Князь взял в руки колокольчик со следами крови, покрутил наконечник стрелы и заключил:

— Это разбойники-сянма. Но не из отряда «Кровавого Колокольчика». Проверь объявления о розыске в городе.

Цзян Ко согласился и вышел. Через четверть часа он вернулся с докладом:

— Два объявления о розыске сняты. Говорят, кто-то принёс головы и получил награду. Личности убитых подтверждены, это два разыскиваемых префектурой главаря разбойников.

— Кто их убил?

— Патрульная инспекция уезда Сяцзинь, Сюньцзянь Тан Шицзин. Я также выяснил, что

накануне именно он сопровождал господина Еяна в Гаотан. Ночевали они на почтовой станции. На обратном пути он, должно быть, использовал Еян Цы и караван с грузом как приманку для разбойников. Я также обнаружил следы засады в лесу неподалёку.

Цинь Шэнь усмехнулся:

— Похоже, это было спланировано заранее. Знал ли Еян Цы об этом? Если нет, то держать рядом такого беспринципного подчинённого — всё равно что играть с огнём.

Цзян Ко ответил:

— Этого я не знаю. Но когда я доставлял серебро в ямэнь Сяцзиня, то видел, как какой-то мужчина бросил в зал для совещаний окровавленные конские колокольчики, чтобы напугать знать. Думаю, это и был тот самый Тан Шицзин. Господин Еян позволил ему свободно входить и выходить из зала, похоже, он ему доверяет.

Браслет из семян бодхи замер. Цинь Шэнь, сжимая бусину, негромко сказал:

— Узнай всё об этом Тан Шицзине. И ещё, пригласи сюда профессора Ли.

<http://bllate.org/book/15875/1437676>